

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МИВИНА Наталья Ефимовна

ФОНЕТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ТРЕХ ОСТРОВНЫХ РУССКИХ ГОВОРОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Специальность 10. 02. 01 - русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

БЕЛОРУССКИЙ
государственный педаго-
гический институт
С. М. Н. РОВА
БИБЛИОТЕКА

Минск - 1993

Работа выполнена в отделе диалектологии и лингвгеографии
Института языковедения имени Якуба Коласа АН Беларуси.

Научный руководитель - кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Кляшук Ф. Д.

Официальные оппоненты - доктор филологических наук
профессор Манаенкова А. Ф.

- кандидат филологических наук
доцент Михайлов П. А.

Ведущая организация - Брестский педагогический институт

Защита диссертации состоится "___" _____ 1993 г. в
14 часов на заседании специализированного совета Д 056.03.06 по
присуждению ученой степени доктора филологических наук при
Белорусском государственном университете (220030, Минск, ул.
Карла Маркса, 31, филологический факультет).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
университета.

Автореферат расослан "___" _____ 1993 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
доктор филологических наук
профессор

П. П. Шуба

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа является результатом исследования трех островных (территориально изолированных) русских говоров на территории Чашникского района Витебской области.

Актуальность исследования. Изучение островных говоров дает возможность проследить развитие и функционирование языка (диалекта) в изоляции от основной территории его распространения, выявить закономерности взаимодействия языков (диалектов) разной степени родства, проницаемость подсистем языка, определить устойчивые элементы языковых систем и инновации, вызванные их взаимодействием и т. д.

Носители исследуемых говоров - старообрядцы-беспоповы (Федосеевцы), потомки переселенцев, спасавшихся от преследований за веру на северо-западных окраинах Российского государства и на землях, входивших в состав Речи Посполитой. В настоящее время поселения старообрядцев-беспоповцев зафиксированы на северо-востоке Польши, в Прибалтике, Беларуси, на Украине; говоры переселенцев сохраняют черты среднерусских акающих говоров, преимущественно псковских (работы И. Грек-Пабисовой, Н. П. Зверковской, Т. Ф. Мурниковой, В. В. Мюркхейна, В. Н. Немченко, Л. И. Немцевой, Е. И. Самохваловой, М. Ф. Семеновой, М. Сивицкене, А. И. Синицы, Я. С. Трифановаса, Х. Хейтер, Л. Ф. Шипцоры, А. Г. Шовкопляса, О. Н. Шулене, И. Я. Элсберг и др.).

На территории Беларуси детально исследованы лишь говоры старообрядцев-поповцев Гомельской области (работы А. Ф. Манаенковой) и говор старообрядческого населения д. Трояновка Борисовского района Минской области, генетически связанный с Псковской группой среднерусских говоров (работы В. А. Санникович).

В ходе диалектологических экспедиций на территории Витебской области нами зарегистрировано около девяноста старообрядческих поселений (см. карту в приложении). Однако ни их говоры, ни особенности материальной культуры и быта до сих пор не были предметом специального изучения. До сих пор неясно, откуда пришли переселенцы (данные исторических документов приближительны), какой говор для них является материнским.

Таким образом, актуальность лингвистического исследования старообрядческих говоров на территории Витебской области определяется не только теоретическим и прикладным значением проб-

дем, связанных с изучением территориально изолированных диалектов и языковых контактов, но и необходимостью установления их происхождения и места в ряду материковых русских диалектов.

Цель работы - исследовать фонетические и грамматические особенности трех русских территориально изолированных староборядческих говоров на территории Чашникского района Витебской области (в сопоставлении с белорусским диалектным окружением) и установить их диалектную принадлежность, локализацию их материнского говора на русской языковой территории, а также степень его сохранности в настоящее время.

Исходя из общей цели, поставлены следующие конкретные задачи исследования:

- определить отличительные признаки языковой системы (на фонетическом и грамматическом уровнях) исследуемых русских говоров путем сопоставления с белорусским диалектным окружением;
- установить место исследуемых русских говоров среди материковых диалектов;
- выделить языковые особенности, которые появились в результате длительного контактирования с окружающим диалектом белорусского языка.

Объектом настоящего исследования являются три островных русских говора деревень Бор, Зазерица и Должица Чашникского района Витебской области (б. Лепельский уезд Витебской губернии), привлекая внимание прежде всего компактностью расположения в белорусском диалектном окружении и достаточной удаленностью от русскоязычной территории (см. приложение).

При исследовании внимание было обращено лишь на архаический (традиционный) слой говоров, который является наиболее ценным при реконструкции их раннего состояния и установлении локализации на русской территории их материнского говора. На основе извлечения "универсалий" из реально функционирующих традиционных систем исследуемых говоров конструируется идеальная архисистема материнского говора-субстрата, служащая эталоном при сопоставлении с окружающими белорусскими и материковыми русскими говорами.

При решении поставленных задач использовались следующие методы: синхронно-описательный; сравнительно-сопоставительный и метод внутренней реконструкции (при установлении общих и различительных черт фонетической и грамматической систем исследуемых

русских, окружающих их белорусских и материковых русских говоров, выявлении характерологически релевантных признаков при реконструкции особенностей материнского говора-субстрата); метод контрастивного анализа (парное сопоставление однопорядковых языковых явлений с целью выявления их структурных и функциональных особенностей); метод картографирования и инструментальный (при записи текстов).

Материал исследования. Фактический языковой материал собран во время диалектологических экспедиций 1988-93 гг., проведенных автором диссертации. Исследовалась речь 18 информаторов в возрасте 70-80 лет. В каждой из обследуемых деревень сделаны магнитофонные записи диалектной речи, описанные затем по специальной программе, в основу которой положены "Программа собирания сведений для составления ДАРТ" (1947 г.) и "Праграма па вивучэнню беларускіх гаворак і збіранню авестак для складання ДАЕМ" (1950 г.).

Принцип отбора материала. Описанию и анализу фонетических и грамматических особенностей исследуемых русских говоров предшествовало сопоставление фонетических и грамматических систем старообрядческих, окружающих белорусских и материковых русских (предположительно - псковских) говоров, выявление в них общего (исключалось из описания) и различного (представляло интерес, если отсутствовало в белорусском окружении).

Научная новизна работы. В диссертации впервые исследуемые говоры рассмотрены как целостный объект изучения, выявлены особенности в области фонетики и грамматики, отличающие их от окружающего белорусского диалекта, определено их современное состояние, место в системе материковых русских, других территориально изолированных говоров и установлены степень и характер влияния на них инодиалектного окружения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Вводится в оборот материал еще трех старообрядческих говоров, расширяя представления о русских говорах, функционирующих в инодиалектном (и иноязычном) континууме.

Выводы, изложенные в диссертации, имеют общетеоретическое значение для решения проблем общего языкознания, истории русского языка и русской диалектологии, русско-белорусских языковых контактов ("слабые" и "сильные" места в системе, проницаемость различных подсистем языка и др.).

Материалы диссертации могут быть использованы этнографами, историками для решения вопросов этногенеза и этнической истории, применены в практике преподавания русской и белорусской диалектологии, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по исследуемой проблеме. Наблюдения, сделанные в диссертации, могут быть использованы в русской и белорусской диалектологии.

Апробация работы. Ход и результаты исследования обсуждались на заседаниях отдела диалектологии и лингвогеографии Института языковедения имени Якуба Коласа АН Беларуси, на кафедре русского языка Витебского государственного педагогического института.

Положения и выгоды диссертации доложены на международных конференциях "Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства" (Витебск-91 и Витебск-93), "А. А. Потебня - исследователь славянских взаимосвязей (Харьков-91), на республиканской научно-практической конференции "Дыялекталогія і культура беларускай мовы" (Минск-91).

По теме диссертации опубликовано семь работ общим объемом около двух п. л.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследуемые старообрядческие говоры отличаются от окружающих белорусских целым рядом особенностей в области фонетики и грамматики.

2. Выявленные особенности сближают говоры старообрядцев с Псковской группой среднерусских говоров. Таким образом, в языке находят подтверждение данные исторических документов.

3. Рядом черт исследуемые говоры сближаются с окружающими белорусскими. Такая близость обусловлена не только единством кривичской подосновы, но и длительным (в течение почти трех веков) междиалектным контактированием.

4. Влияние белорусских говоров в большей степени проявилось на уровне фонетики (особенно в области консонантизма), нежели грамматики.

5. Исследуемые говоры отличаются не только от окружающих белорусских, но и друг от друга. Их различие связано не с происхождением, а со степенью влияния на них белорусского языкового окружения. В наибольшей степени иноязычному влиянию оказался подвержен говор д. Заверица (прежде всего по причинам экстралингвистического характера (смешанность населения)). Говор

д. Должна отличается большей сохранностью материнских черт.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух разделов, первый из которых включает две главы, заключения, списка использованной литературы и пяти приложений: 1) исторические предпосылки возникновения исследуемых островных говоров; 2) оригинальная карта старообрядческих поселений на территории Витебской области; 3) список информаторов; 4) образцы диалектной речи носителей исследуемых говоров; 5) список сокращений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение состоит из двух частей. В первой части ("Общая характеристика предмета исследования") обосновывается выбор темы, ее актуальность, раскрывается научная новизна и задачи, встающие при исследовании территориально изолированных говоров. Во второй части формулируются основные вопросы, рассматриваемые в диссертации, и положения, выносимые на защиту, определяются объем и методы исследования, дается характеристика материалов и источников.

Первый раздел ("Фонетико-фонологические особенности исследуемых русских говоров") состоит из 2-х глав.

Первая глава ("Вокализм") посвящена рассмотрению особенностей исследуемых говоров в области гласных звуков.

В сигнификативно сильной позиции в говорах старообрядцев, как и в окружающих белорусских, противопоставлены пять гласных фонем: и/у/е/о/а. Отличия связаны лишь с характером их функционирования.

Фонема <и> в позиции после полумягких (невеляризованных) согласных ([р'], [ч']) реализуется звуком, промежуточным между [ы] и [й] (полувелярным [ы]) (и'ич'ым, тр'н).

Отмечены особенности в сфере употребления **фонемы <е>**:

1. В исследуемых говорах шире, чем в окружающих белорусских, представлены результаты ивменения [е] в [о] после мягких согласных перед твердыми. Звук [о] произносится не только в корнях слов (пр'ыв'ос, м'ортвай (вады), ц'в'ордьй (слова)), в суффиксах (дал'ока, э'ал'оны), но и в окончаниях глаголов 1-го спряжения (наб'ар'ош, жив'от', пайд'ом). Очевидно, в мятринском говоре процесс перехода [е] в [о] проходил последовательно, охватывая все морфемы, корневые и аффиксальные, в том числе и глагольные флексии.

2. Встречаются реликтовые формы, связанные с реализацией

в ранней системе вокализма исследуемых говоров. Звук [и] произносится во всех падежных формах множественного числа местоимения *весь*: *ус'й* (фр'и), *ус'их*, *ус'им* и т. д.; во флексиях дательного и предложного падежей единственного числа существительных женского рода на -а; последовательно с ударным [и] употребляются глагольные формы *пайс'* 'поест', *ис'* 'ест', 'принимать пищу'.

3. Звук [е] спорадически представлен под ударением во флексиях родительного, дательного и предложного падежей единственного числа существительных женского рода на -а (встречается в речи отдельных информаторов как отклонение от основной парадигмы с флексией -и (-ы) в указанных падежах): *у'жан'э*, *э'жан'э*, *у'з'амл'э*; предложного падежа существительных мужского рода 2-го склонения (*э'валк'э*, *у'платк'э*); во флексиях именительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений-прилагательных мужского рода с основой на твердый и заднеязычный согласный (*тэй* (*ч'алав'эк*), *маладэй* (*пэр'эн'*), *н'ьбал'шэй* (*лон ростъм*)) и родительного, дательного, творительного и предложного падежей единственного числа прилагательных женского рода с теми же основами: *па'тэй* (*пуц'и*), *у'аднэй* (*старушк'и*), *у'тэй* (*д'ар'эун'и*), что следует, на наш взгляд, связывать с влиянием окружающих белорусских говоров.

Шире представлена фонема <о> за счет морфологизированного употребления во флексиях именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных и местоимений-прилагательных (*бал'шой* (*гр'ех*), *ф'таком* (*царс'т'в'е*)).

Фонема <а> шире представлена за счет употребления звука [а] на конце наречий (*с'удá*, *куда́*, *туда́*). В то же время в говоре д. Зазерица зафиксированы лексикализованные случаи произношения в ударном положении звука [о] на месте этимологического [а] (*кюд'им*) и звука [е] на месте древнего *А* в корне слова (*зл'эбу*).

В исследуемых говорах зафиксированы лексикализованные формы со "вторым полногласием" (*ув'ар'о́х* 'вверх', *с'м'ар'о́тна́я* (ад'о́жда)). Явление "второго полногласия" в настоящее время характерно лишь для северо-западной группы русских говоров (территория бывших новгородского и поковского диалектов) и отсутствует на более южной части территории Псковской группы говоров.

Наибольшее количество фонетических диалектных различий го-

воров старообрядцев и окружающих их белорусских говоров относится к системе безударного вокализма и связано с разным качеством гласных в безударных позициях, и прежде всего в позиции первого предударного слога.

Говорам лд. Бор, Заезица и Должица свойственна система недиссимилятивного (сильного) аканья и яканья.

Гласные фонемы <а> и <о> в первом предударном слоге после парных твердых и заднеязычных согласных совпадают в звуке [а] независимо от качества ударного гласного и консонантного окружения (сматр' *й*, развал' *ўс'а*, н' *ьдал'ока*, сухар' *ей*, с' *кан'ам*).

Гласные фонемы неверхнего подъема <е> (на месте исконных *ѣ*, *е* и *ь*) и <а> после мягких согласных совпадают в первом предударном слоге в звуке [а] также независимо от качества ударного гласного и твердости-мягкости последующих согласных звуков (машл' *ан'ў*, п' *ар'нка*, б' *асхл'эб'ица*, наб' *ар'ош*, кл' *ар'ац'*).

Окружающим белорусским говорам присущи диссимилятивное аканье и яканье белорусского подтипа.

Предударный вокализм после твердых [ж], [ш], [ц] и фонем <ч'>, представленной звуками разной степени палатализации, соответствует вокализму после мягких согласных (сильное яканье).

Гласные фонемы верхнего подъема <и>, <у> в позиции первого предударного слога в основном сохраняют свое качество (мушк' *ант*, мужык' *а*, шнур' *оўка*). Отмечены лишь лексикализованные случаи лабиализации гласного [ы] в соседстве с губным согласным в словах н' *ьбуло*, бувай' *ыц'* (наряду с *бывай'ыц'*) и под.

Выявлены случаи сильной редукции гласных звуков (иногда до нуля) в соседстве с сонорными и фрикативными согласными (гэвэр' *йт*, мат' *ьр'йал*, пап' *ьр'ок*, стар' *брац'ы*), вплоть до выпадения целого слога (гр' *ни'* 'говорит').

В позиции второго и третьего предударных слогов после твердых согласных наблюдается возрастание длительности гласных неверхнего подъема (гласные первого и других предударных слогов совпадают по длительности и силе): пакат' *ац'а*, зам' *ал'й*, развал' *ўс'а*, маск' *ал'й*, сарафан' *и*. Отмечается своеобразный слоговой сингармонизм, а-ассимиляция гласных предударных слогов. их уподобление ударному гласному (если под ударением [а], то в первом, втором и даже третьем предударных слогах фонемы <а> и <о> реализуются звуком [а]): п' *благодар'ыл*, баг' *навал'и*, лад' *а*.

ран' ил' и, паўтара, н'е над абыл' и, па ад абыл', абы глас' и. Такое произношение вызывает дополнительную искализацию речи и вносит заметные изменения в ее интонационную оформленность.

В позиции после мягких согласных все гласные фонемы не-верхнего подъема совпадают в одном варианте [ь] (редуцированном звуке переднего ряда верхне-среднего подъема) или [и], что аналогично их произношению в окружающих белорусских говорах, причем в говоре д. Бор в указанной позиции преобладает редуцированный, в говоре д. Заезица звук [ь] произносится наравне с [и], в говоре д. Должица преобладающим вариантом произношения является [и].

Гласные верхнего подъема произносятся без изменений, независимо от качества соседних гласных и согласных звуков (прыл' ага, музыкант, дурнаты).

Вокализм начала слова также характеризуется неразличением гласных фонем неверхнего подъема <о> и <а> и их реализацией в звуке [а] независимо от качества ударного гласного и следующего согласного (атправ' ил, астацьс' а, атработьла).

Систему заударного вокализма отличает большая степень редукции звуков - вариантов фонем <а>, <о>, <е> в неконечном и конечном закрытых слогах (после твердых согласных указанные фонемы совпадают в звуке [ь], после мягких - в [ь]); спорадически фиксируется произношение в этих случаях звуков [а] и [и]. В заударном конечном открытом слоге гласные фонемы <а> и <о> после твердых согласных чаще совпадают в варианте [а]; фонема <е> реализуется звуком [ь]. Часты случаи а-образной редукции гласных фонем верхнего подъема (вплоть до полного выпадения звука).

Во второй главе ("Консонантизм") рассматривается состав согласных фонем, некоторые случаи их реализации, особенности, связанные с корреляцией по твердости-мягкости, звонкости-глухости, сфера употребления и комбинаторные изменения отдельных согласных фонем.

Во всех трех исследуемых диалектных микросистемах 36 согласных фонем, различающихся в позиции максимальной дифференциации (перед гласными непереднего ряда):

<б - б'>	<в - в'>	<д - д'>	<з - з'>	<ж - ж'>	<г - г'>
<п - п'>	<ф - ф'>	<т - т'>	<с - с'>	<ш - ш'>	<к - к'>
<м - м'>	<л - л'>	<н - н'>	<р - р'>	<х - х'>	<ц - ц'>
<ч'>	<ј'>				

Отличия от окружающих белорусских говоров связаны не о

составом, а с системой согласных фонем и проявляется: 1) в наборе дифференциальных признаков; 2) в фонетической реализации представленных фонем; 3) в правилах их дистрибуции и 4) в сфере употребления.

Яркая фонетическая особенность говоров старообрядцев - наличие взрывного [ɣ], который преобладает во всех сильных позициях: *гўл'ба* 'картофель', *группка*, *дзубой*, *дарогу*, *Агафія*, *д'ан'гэм*, *тэргавал*, *сажэл'і*.

Несмотря на устойчивость указанной особенности, обнаруживаются случаи замены [ɣ] взрывного [ɣ] фрикативным. Последний чаще появляется в интервокальной позиции (*мноўа*, *г'б'ір'аўам*, *ба ў'ати*, *паўуба*). Наиболее устойчивы постконсонантная и предконсонантная позиции. В последнем случае [ɣ] чаще звучит перед взрывным [д], т.е. налицо расщепление двух взрывных (регрессивная диссимилиация): *н'и ўд'э*, *ўд'е*.

С влиянием белорусского языка связано и появление новой функциональной пары [ɣ] - [x]: *пр'юб'эх*, *бох*, *с'н'ех*, *крух*. Основным же вариантом фонемы <ɣ> в слабой позиции все еще остается звук [к]: *пр'юб'эк*, *ў'чац'в'эрк*, *л'экчы* 'легче'. Пара <ɣ> - <к>, таким образом, является основной по звонкости-глухости, а пара <ɣ> - <х> находится на периферии фонетической системы говоров.

Исследуемому архаическому слою говоров присуща реализация фонемы <в> в звуке [в] или [ф] (в позиции оглушения): *ва'ал*, *вр'эм'ь*, *д'ивч'онка*, *ў'б'ьлару'саф*, *фс'агда*. Указанные звуки чаще звучат в позиции начала слова и конца слога, реже - в конце слова.

Существование в окружении белорусского языка привело к возникновению нового варианта данной фонемы - аллофона [y]([y̥]), звука, имеющего более вокальный характер по сравнению с биллабиальным [w] и губно-зубным [v] (*у'а'ала*, *х'идас'е'ме'ўч*, *званар'оў*).

Своеобразием отличается и реализация фонемы <л>. Преобладает произношение смьчно-проходного [л] в глаголах прошедшего времени единственного числа мужского рода и в возвратной форме глаголов (*атправ'ил*, *асталс'а*, *падыйш'ол*, *качалс'а*), на конце слога перед согласными в исконных сочетаниях редуцированных с плавными (*волк*, *Должца*, (*п'эрым*) *долгэм*).

Влиянием же окружающих белорусских говоров вызвано появ

ние варианта [ŷ] в указанных выше позициях (т.е. наблюдается сосуществование разносистемных элементов [л] и [ŷ]): стаў, замар'іўс'а, доўг'и, хаўтури. Формы с [ŷ] чаще встречаются в говорах дд. Бор и Заезрица и лишь спорадически - в говоре д. Должица.

Фонетической системе исследуемых говоров присущи глухие согласные фонемы <ф> и <ф'>. Звук [ф] отмечается в системе позиционных чередований, являясь вариантом фонемы <в> в слабой позиции (б'вспабофцы). В ряде слов на месте <ф> (<ф'>) звучит глухой аднеязычный [х] ([х']): Х'одзьвна, Яах'ім, х'идас'ёе-ўцы, тўхл'и, или [х] с лабиализованным призвуком - [хв] (в позиции перед ударным гласным): сарахв́ан. Нередко одни и те же лексемы произносятся и со звуком [х]/[хв], и со звуком [ф]: ко́хта, на'но́фту; Х'іма, Ф'іма (Евфимия); на'фўтър' (жл'и), на'хўтар'и; сарахв́ан, сараф́аны. В отдельных случаях (имена собственные) на месте <ф> и <ф'> звучат глухие губные звуки - [п] и [п'] (наиболее древняя замена указанных фонем): П'ил'іп, Пр'оск'ин (Ц'имаф'ёя). Подобное произношение - результат межъязыкового взаимодействия. Наличие же форм за звуками [ф] и [ф'] свидетельствует о том, что материнской консонантной системе они были знакомы.

Зафиксировано несколько вариантов глухой шипящей *аффрикаты* <ч'>, различных по степени палатализации: твердый (веляризованный), полумягкий (невеляризованный) и мягкий (палатализованный) звуки, образующие ступенчатый ряд [ч'-ч'-ч], с преобладанием среднего члена данного ряда во всех трех исследуемых говорах: п'луч'ыл'и, ч'асам, н'ич'овъ, пт'ич'ку, п'еч'.

Невеляризованный (полумягкий) согласный является преобладающим вариантом фонемы <ч'> и в сочетании звуков [чч']: пайлч'иц'е, блаўав'ешч'ьн':ь, гьдаўч'ыны.

Основным вариантом фонемы <т'> является мягкая аффриката [ц']: ц'г'ац'істаа, ц'акло́, ц'омна. Отмечаются и случаи реализации данной фонемы в звуке [т'] (пт'ица, ат'ец, т'амола, страс'т'), что отличает их от окружающих белорусских говоров, в которых последовательно представлено цеканье. Звук [т'] чаще отмечается в говоре д. Должица, в говорах дд. Бор и Заезрица - лишь спорадически; чаще звучит в позиции перед гласными переднего ряда и в абсолютном конце слова.

Основной вариант фонемы <д'> - звук [д']: уйед'ьм.

д'эўс'а, ил'иц'е, распля'йл. Мягкая аффриката [д'э'] отмечается лишь спорадически, ее употребление лексически и позиционно ограничено: *д'э'эўка, д'э'э'ть, д'э'э'ми, д'э'э'тка, д'э'ад'ка, д'э'албац', д'э'в'ер'* (произносится в основном перед вариантами фонемы <е>). Нередко звучит аффрикатоид [д'э³]: *д'э'м'итр'ий, д'э'э'ц'и, н'ад'э'эл',* что свидетельствует о живом процессе замены одного звука другим: *д' > д'э³ > д'э'.*

Фонемы <с'> и <з'> часто реализуются палатальными ("щепелявыми") свистящими [с''], [з'']: *с''н'имала, ээз''в'ив'эд, лус''ц'и.* Щепелявое произношение мягких зубных характерно и для окружающих белорусских говоров Чашникского района. Скорее всего, в данном случае особенность произношения, характерная для материнских говоров, сохранилась и закрепились в условиях территориальной изоляции при поддерживающем влиянии соответствующей белорусской диалектной особенности.

Оппозиция <р>-<р'>. В говорах старообрядцев представлена коррелятивная пара по твердости-мягкости <р>-<р'>, в то время как окружающие белорусские говоры являются твердозрыми. Мягкий [р'] преобладает во всех позициях на месте [р'] этимологического (*цар'эўна, цар'у, наб'ар'ош, тал'эр', пр'иказ'ад*), однако по сравнению с русским литературным языком и большинством русских говоров сфера употребления фонемы <р> расширена, наблюдается диспалатализация мягкого [р'] и намечается нейтрализация коррелятивной пары <р>-<р'>: *п'ьрак'эс'ц'уц', пры'омн'иц', у'двар'эц, цар, п'эр'яе,* что, скорее всего, обусловлено соседством с белорусским твердозрым диалектом.

Значительно чаще, чем твердый, на месте этимологического [р'] произносится неведляризованный (полумягкий) звук [р']: *замар'у'с'а, за'э'в'э'р'эм, Андр'у'ха, абр'ят.* Намеченный в говорах ступенчатый ряд звуков - вариантов фонемы <р'> ([р' - р³ - р]) - свидетельствует о процессе постепенного звукового изменения - отвердения [р], причем твердый [р] вместо мягкого чаще употребляется перед гласными переднего ряда, реже - перед <а> и <у> и на конце слов; чаще в приставках *при-* и *пере-* и в проклитиках, чем в корне слова; шире представлен в говоре д. Заверица (особенно перед гласными переднего ряда и в приставках) и реже встречается в говоре д. Должица, где мягкий [р'] появляется даже при фонетическом освоении белоруссизмов (*гар'ятный, кр'ятан' (рукам)*).

Корреляция по твердости-мягкости. Перед гласным [e] (не только исконным, но и перед e из ё) в ряде слов наблюдается более широкая дистрибуция твердых согласных фонем, парных по мягкости (ла́барэдэ, уздэчка, газэту), незнакомая окружающим белорусским говорам. Подобное произношение, не влияя в целом на систему согласных фонем (т.к. представлено лишь в отдельных лексемах), свидетельствует о том, что аналогичные отношения были заложены в говоре-субстрате.

Твердые и мягкие *гуошэ* в говорах старособрядцев различаются только перед гласными, во всех остальных позициях (перед согласными и на конце слова) наблюдается нейтрализация оппозиции по твердости-мягкости и произносится твердый звук: *вóс'ьм*, *с'в'акр'оф*, *сып*, *с'ампа́*, *бйуц'*, *пйаны*.

Отмечается ограниченность корреляции по твердости-мягкости заднеязычных согласных <к>-<к'>, которая носит морфологизированный характер (твердые звуки представлены в исходе основы имен прилагательных именительного и косвенных падежей единственного и множественного числа: *ус'акъх (прад'уктъу)*, *с'рускъм*, *мáл'ьн'кья (кус'оч'ьк)*, *у'т'онкъм (платку)*).

Корреляция согласных по звонкости-глухости. В говоре д. Заверича зафиксировано сохранение звонкого согласного на конце слова в лексеме *спр'ед* 'издавня': *мáл' и тут спр'ед*. Подобное лексикализованное употребление не характеризует всю систему говора, однако может, на наш взгляд, свидетельствовать об отсутствии позиционного чередования звонких-глухих согласных на конце слов в говоре-субстрате.

Расширена сфера употребления фонемы <ј>. Звук [ј] в качестве протетического согласного встречается в формах указательных местоимений: *йэта (с'ампа́)*, *йэтына (сл'обы)*, *йэты (праз'н'ик'и)*. С другой стороны, отмечается утрата [ј] в ударном слоге в интервокальном положении в форме именительного падежа единственного числа прилагательных женского и среднего родов: *с'ар'эбранаа (вуздэч'ка)*, *(б'ал':ó) б'элаа, (плац'ица) в'уз'ьн'каа, кар'оц'ьн'каа*. Данные явления в белорусских говорах Чашникского района не представлены.

Отмечаются особенности, связанные с реализацией фонемы <в>. Нередко звучит протетический и интервокальный [в], характерный для белорусского языка: *к'в'о́в'ьру, вуздэчку, в'о́с'ип, Слагав'уст*, хотя формы без протезы [в] преобладают: *у'б'а'ьр'ь, б'*

акн'э, уч'ыц, ол'э и (Д.п.), Орша, Лар'юн.

Встречаются факты *нерегулярного изменения фонетического облика слова*: фонема <х> в сильной позиции (перед гласным) реализуется в звуке [к] в слове *пáска* 'пасха'; твердый звук [т] отмечается в лексеме *тап'эр'*; перестановка сонантов - в лексемах *зн'йла* 'глина', *кр'юс* 'клирос'; с неслоговым [j], развившимся после гласного, употребляется лексема *ба́йня* 'баня'.

Широко представлены случаи *прогрессивной ассимиляции* в сочетаниях *переднеязычных мягких согласных* с [j]: *варац':á*, *б'ал':ó*, *гр'аз':у*, *плац':е*. Данное явление носит морфологизированный характер; [j] чаще ассимилируется с предшествующими согласными [н'] и [т']. Встречаются и случаи отсутствия ассимиляции, произношение типа *t'j* (*бс'ен'йу*, *с'ружйá*, *кр'ашч'эн'ийь*, *уважэн'ийь*). Чаще такие формы отмечаются в говоре д. Должица; в говорах дд. Бор и Заерица - лишь *спорадически*.

Произношение сочетаний согласных. На месте конечного сочетания согласных [с'т'] нередко звучит звук [с'] или долгий [с'::] (в результате ассимиляции звуков по способу образования): *йес'* 'имеется', *пакс'* 'поеть', *гр'ес'* 'грести', *шэс'* (наряду с *ула́с'ц'*, *йес'ц'*, *шес'ц'* и т.п.).

Широко представлены случаи *регрессивной ассимиляции* по назальности рядом стоящих согласных [д] и [н] ([н']) и произношение на их месте долгих звуков [н:] ([н'::]): *ан:у́*, *ла́н:а*, *м'én:ы* (*лоп*), *скаваро́н:ик*. Произношение [дн] в указанном случае отмечается лишь *спорадически*.

В ряде случаев отсутствует ассимиляция по твердости в сочетании *корневого гласного* с древними суффиксами -ьск, -ьств, представленная в соседних белорусских говорах: *ва'р'азáв'с'кьв'* (*ва́муш вышла*), *ф'ца́рс'т'в'е*, *па'бажэ́с'ц'в'ьн:ьму*.

Отмечаются случаи выпадения *заднеязычных* [г] и [к] перед [н] в сочетаниях [гн] и [кн]. Это явление *лексикализовано*, зафиксировано лишь в лексемах *йан'áтк'* и 'ягнятки', *йан'йла́с'*, *э́с'ц'ану́ц:а* и *замну́т'* 'замкнуть'; в настоящее время распространено лишь в новгородских и псковских говорах.

Второй раздел ("Грамматические особенности исследуемых говоров") посвящен исследованию особенностей функционирования в говорах старообрядцев грамматической категории рода, особенностей склонения, спряжения и формообразования; рассматриваются отдельные типы словосочетаний и предложений.

В исследуемых говорах шире, чем в окружающих белорусских, представлена группа существительных женского рода (за счет сокращения групп мужского и среднего родов): *кад'иль такайль йос'т', бал'шайль крух; йайц'о/ йан'а ш стайт к'ля й'к'н*; ряд слов женского рода функционирует как существительные мужского рода (*к'ирк'ым д'э'ал'б'аг', на'табур'э'т'к*). Существительное *путь* в основном относится к женскому роду: *в'бал'шуйу пут', па'тэй пуц'й*. Отдельную группу составляют имена существительные, у которых изменение рода связано с явлениями морфолого-словообразовательного характера (*па'ра, таб'ака, ц'эрква, с'в'акр'іва, ж'ыб'н'а*).

Имена существительные в зависимости от рода распределяются по трем основным типам склонения: к 1-му типу относятся существительные женского, мужского и общего рода с флексией *-а* в именительном падеже единственного числа; ко 2-му - мужского рода с нулевой флексией и среднего рода с флексиями *-о* и *-е*; к 3-ему - женского рода с нулевой флексией. Указанная последовательность принята по принципу убывающей продуктивности. Помимо основных (регулярных) выделяются нерегулярные типы склонения: а) склонение существительных *мышь* и *путь* и б) склонение существительных на *-мя*.

Самую большую группу 1-го типа склонения составляют существительные женского рода на *-а*. В их склонении отмечается ряд особенностей.

В зависимости от места ударения выделяются не только группы существительных с неподвижным ударением (на флексии и на основе), но и группа с подвижным ударением (*в'амл'а - аб'в'эмл'у, на'в'эмл'у, кап'ал' и в'эмл'у, рук'а - ва'руку*).

Отмечается синкретизм форм родительного, дательного и предложного падежей единственного числа и их совпадение в форме с флексией *-ы* (в твердом варианте склонения) и *-и* (у существительных с основой на мягкий и заднеязычный согласный) как под ударением, так и в безударном положении, как в предложных, так и в беспредложных конструкциях: *с'э'т'ыя ст'ор'ны, н'эту д'ар'э'ун'и; г'жаны, г'д'ач'к'і, г'д'ар'э'ун'и; на'йв'он'ыя с'ал'іны, у'школы (уч'ыл'ис'и), у'л'отк'и, (л'агу на) л'анушк'и*.

Спорадически в говорах дд. Бор и Должица встречается синкретизм форм указанных падежей с иной флексией, чем в основном подтипе (*у'май'ой жан'э, г'жан'э, к'э'амл'э, на'то'я старан'э*),

однако форма с флексией -е в родительном падеже употребляется только в конструкциях с предлогом *у* и при ударении на флексии.

По первому типу склоняется существительное *с'в'акрѡва*: *б'ьс'с'в'акрѡв'и*, *к'с'в'акрѡв'и* и т. п. В окружающих белорусских говорах употребляется преимущественно словоформа *с'в'акрѡу*, с ударной флексией в косвенных падежах и с -ы- на месте -о- в основе (*с'в'икрѡв'и*, *у'ѡ'в'икрѡв'и* и т. п.).

Существительное *дѣдушка* в говорах старообрядцев в творительном падеже имеет флексию -ой, т. е. склоняется полностью по 1-му типу, в окружающих же белорусских -ом, как существительные мужского рода 2-го склонения.

Отличает говор старообрядцев отсутствие чередований *г-з*, *х-с*, *к-ц* в дательном и предложном падежах (*на'лѡтк'и*, *Ол'г'и*, *г'дѡч'к'и*), представленных в окружающих белорусских говорах.

Особенности 2-го типа склонения связаны прежде всего с флексиями *предложного* падежа.

У существительных мужского рода отмечены флексии -и, -е и -у как под ударением, так и в безударном положении: *на'хутар'и* (*футър'и*), *в'дѡм'и*, *на'б'ир'аг'и*; *ѡ'валк'ѣ*, *ѡ'стар'ик'ѣ*; *на'так'у*, *на'шнурк'у*, *у'гаду*, *у'л'асу*. Формы с ударной флексией -у являются чрезвычайно продуктивными, но все же выступают в меньшем количестве лексем, чем в соседних белорусских говорах (ср.: *ѡ'валк'ѣ* - бел. *аб'ваўк'у*, *в'л'ѣс'и* - бел. *у'л'асу* и т. п.).

3-й тип склонения малопродуктивен. Отмечается тенденция сближения его с первым типом, объединения всех существительных женского рода в один тип склонения (*п'ѣч'ы - жан'ы*, *д'ар'ѣўн'и*; *к'п'ѣч'ы - г'жан'ы*, *г'д'ар'ѣўн'и*; *ап'п'ѣч'ы - аб'жан'ы*, *аб'д'ар'ѣўн'и*).

Лексемы *мать* и *дочь* функционируют наряду с лексемами *мама* (распространена шире, чем лексема *мать*) и *дѡчка* (распространена шире, чем лексема *дочь*). При склонении данных существительных отмечается совпадение основ именительного и косвенных падежей, отсутствие суффикса -ер в косвенных падежах и изменение их по образцу 1-го типа склонения: *б'аб'мѡт'и*, *б'аб'дѡч'ы*; *к'мѡт'и*, *к'дѡч'ы*; *с'мѡт'ьр'ий*, *г'дѡч'ьр'ьи*; *у'мѡт'и*, *пр'ы'дѡч'ьр'и*.

Особенность склонения существительного *грязь* - наличие единой формы родительного, дательного и предложного падежей с ударной флексией -и (*н'ѡт'гр'аз'и*, *п'ь'гр'аз'и*, *в'гр'аз'и*).

Существительное *мышь* относится к женскому роду и имеет

особую парадигму словоизменения, представленную формами, относящимися к I и III типам склонения: (серая) *мыт*, (нет) *мышы*, *мышы*, *смышы́*, *абмышы́* (ср. в бел. говорах *смышы́у* // *смышы́шу* или *мышы́на* - *смышы́ны́* (1-й тип склонения) [ДАБМ, к. 80, 83]).

В склонении существительных среднего рода на *-мя* в единственном числе отмечаются формы без суффикса *-ен*, часто с флексиями регулярного, 2-го типа склонения: *вр'ём'а*, (*нет*) *вр'ём'а*, *к'вр'ём'у*, *вр'ём'а*, *са'вр'ём'ем*, *аб'вр'ём'и*. Встречаются и оригинальные формы: *йм'ьн'е* (ср. р.), *с'им'анá* (ж. р.).

При склонении имен существительных во множественном числе в именительном падеже наиболее широко представлена флексия *-и(-ы)*: *д'ар'еўн'и*, *валасы́* и т. п. У существительных мужского и среднего родов и *pluralia tantum* sporadически отмечается флексия *-а* (*нашы́ слава́*, *сыры́ дравá*, *сашл'и́ гадá*). Флексия *-е* встрети́лась лишь в форме лично-собира́тельного существительного *брат'іе майё́*.

Существительные с суффиксом *-енок* во множественном числе имеют суффикс *-ат(-ят)*. В именительном падеже употребляются как с флексией *-и(-ы)*: *парас'аты*, *р'аб'аты*, *кат'аты*, так sporadически и с флексией *-а* (*парас'ата*).

В родительном падеже у большинства существительных мужского рода, как и в окружающих белорусских говорах, отмечается флексия *-ов (-оф, -оў)*; отличает ее употребление у существительных женского рода с флексией *-а* в единственном числе (*свад'бў*, *байн'бў*, *кучў*) и у существительных среднего рода (*мастоў*, *балотў* (*балотўф*)). С флексией *-ей* употребляются как существительные мужского рода с мягкой основой и основой на *г, к, х* (*в'вар'ей*, *нажэй*, *гваз'д'ей*), так и существительные женского рода на *-а* (*б'ьс'в'ашч'эй*). Нулевая флексия также широко представлена у существительных женского рода на *-а* (*ягзы́т*, *яблы́нн*, *ба́йнн*, *п'ес'ен*) и у существительных среднего рода (*акю́н*, *балот*, *м'ест*, *аз'бр*).

Особенности употребления флексий дательного падежа связаны только с местом ударения (*к'льшад'ám*).

Отмечается синкретизм форм дательного и творительного падежей. совпадение их в форме, соответствующей форме дательного падежа белорусского и русского литературных языков (*за'снала́м*, *капал'и рука́м*, *у'л'ес за'дравáм*, *закалю́ц' шп'и́л'кам 'булавкой'*). формы этих двух падежей совпадают как в предложных, так

и в беспредложных конструкциях, не только у существительных, но и у остальных имен (па́д'и́тым пр'а́лкѣм, за́двѣм р'аб'а́тѣм, за́ч'о́рным табл'е́ткѣм).

Особенности образования форм предложного падежа (с флексией -ах) связаны лишь с характером ударения: отмечаются ударные флексии у существительных женского и среднего родов (па́д'в'и́р'а́ун'а́х, па́но́вых м'аста́х).

Широко представлено образование основы множественного числа при помощи суффикса -j у существительных-названий степени родства или свойства: сына́у́я́, бра́т'я́ и т.п. (ср. в окр. бел. говорах: сы́ны, бра́ты и т.п.).

Исследуемые русские говоры отличаются рядом особенностей склонения и формообразования имен прилагательных.

В именительном падеже прилагательных мужского рода в ударной позиции преобладает флексия -ой (тако́й ба́л'шо́й (са́ван), ма́ладо́й (ца́р'), ба́л'но́й (па́р'ьн').

Широко представлены формы с флексией -и(-ы): ма́лады́ (д'ажы́т'), ма́латы́ (бра́т), м'е́дны́ (лю́), паб'и́ты́ (ч'э́р'эп), появившиеся, очевидно, под влиянием белорусского окружения.

Формы с конечным [j] в указанной позиции отмечаются реже, но они, на наш взгляд, были свойственны исконной морфологической системе: трэ́ц'ий (д'е́н'), ста́рый, ка́то́рый, сла́бый, ру́ск'ий (чаще встречаются в говорах дд. Бор и Должица).

Отличает исследуемые говоры употребление флексии -ай у прилагательных мужского рода с твердым заднеязычным согласным в исходе основы: то́нкѣй, ма́л'ьн'кѣй (кусо́ч'ьк'), т'и́хѣй (ч'ала́в'е́к).

Формы родительного падежа имеют флексию -ово (у́са́мьвѣ (по́л'ь), за́р'ава́н'скѣвѣ (вы́шла за́муш), ан:о́вѣ (ва́ран'о́нка). Отмечен лишь единичный случай употребления флексии -оуо, характерной для белорусских говоров (яа́у́о), что свидетельствует об устойчивости исконной (материнской) особенности.

Флексии дательного падежа в сравниваемых говорах не различаются.

Особенность творительного падежа - наличие форм с флексией -ам у прилагательных с твердым заднеязычным в исходе основы (о́ру́скѣм, о́т'и́хѣм (ч'ала́в'е́кѣм).

Для предложного падежа характерны формы с ударной флексией -ом (в'ба́л'шо́м (в'а́др'е́), у́сыро́м (м'е́с'т'ь), ф'тако́м (ца́рств'е)).

В оклонении прилагательных женского рода следует отметить

наличие форм без редукции конечного гласного флексии в именительном падеже (*глупа́я, малада́я, ма́д'ен'ка́я*); sporадическое употребление форм с ударной флексией -ей (с несмягченным предшествующим согласным) в родительном и предложном падежах (*у́днэй (стару́нк'и), у́тэй (д'ар'э́ўн'и)*), появившихся под влиянием белорусского окружения; наличие флексии -ую в винительном падеже не только у прилагательных с основой на твердый, но и с основой на мягкий согласный (*красну́ю (л'э́нту) - с'ин'у́ю (ко́фту)*).

Формы прилагательных среднего рода в косвенных падежах совпадают с соответствующими формами мужского рода. Специфические флексии отмечены лишь в именительном падеже (встречается отсутствие интервокального *j* (см. разд. 1, гл. 2)).

Флексии именительного падежа множественного числа прилагательных - -ьи (-ии), реже -йи (-йии): *ус'а́к'и (званк'и́), сы́ри (драва́), бо́л'ши (сын'и́), ч'о́рны (йу́пки)*. Появление [и] в данном случае связано с особенностями заударного вокализма.

Формы дательного падежа имеют флексию -ьми (-ими) и, таким образом, не отличаются от соответствующих белорусских и русских литературных форм.

Особенность родительного и предложного падежей связана с наличием флексии -ах у прилагательных с твердым задненебным согласным в исходе основы (*за́руск'ах (ва́мут), у'то́нк'ах (штана́х), ус'а́к'ах (праду́кт'а́х)*).

В творительном падеже отмечается эквивалентность с формой дательного падежа.

Яркая особенность формообразования прилагательных и местоимений-прилагательных - наличие стяженных форм с односложными окончаниями -а и -у в именительном и винительном падежах женского рода единственного числа (факультативные варианты окончаний -а́я, -у́ю): *малагра́м'тна (д'э́ўтка), у'чу́ж'у (з'э́мл'у), кака'ть (п'т'и́ца), (па́ра) ц'о́пла така́, каку́ (я п'э́н'с'ийу палуч'ы́ць)*. Стяженные формы представлены как в безударной, так и в ударной разновидности и чаще у местоименных прилагательных.

Отмечаются особенности склонения и формообразования местоимений.

Несмотря на преимущественное распространение форм личных и возвратного местоимений *м'я́н'э, с'аб'э, ц'аб'э; (я́ка), аб'м'э, саб'э, т'аб'э*, зафиксировано и другое соотношение форм

Р.-В. и Д.-П. падежей: (для) м'ин'а́, (у) м'ин'а́; т'иб'а́, с'иб'а́; мн'е, т'иб'е́, с'иб'е́.

Встречаются формы *лично-указательных* местоимений как без начальной йотации, незнакомые белорусскому окружению: он, анá, аю́, аны́ (форма множественного числа произносится с твердым [н]), так и с протетическим [j]: йон, йанá, йано́, йаны́. Формы косвенных падежей указанных местоимений характеризуются отсутствием приставного [н]: с'ийей, па'йм, над'ийей и т. п.

Отмечаются особенности в употреблении *указательных* местоимений. У местоимения этот зафиксированы формы как без начальной йотации: этъ, у'эты́ (д'ар'еун'и), к'этым (пац'иванъм), так и с протетическим [j]: йэты (праз'ник'и). Окружающим белорусским говорам обе эти формы неизвестны (ср.: љэты, љэны).

Местоимение тот представлено членными формами: у'тоиль (ясударства), у'тйх (кустах), та́йа (д'еушка), тым (д'уд'ам), которые полностью совпадают с соответствующими белорусскими.

В группе *указательных* местоимений зафиксировано древнее местоимение с'ей: да'с'аво́ (ур'ем'ь), то́иль-с'о́иль.

У *притяжательного* местоимения свой употребляются различные формы для творительного и предложного падежей мужского рода единственного числа (свайм (дóмьм) - ф'свайом (дóм'и)); в родительном и предложном падежах женского рода используется форма с флексией -ей (у'свайей (хаты) (П. п.)). Местоимение сам во множественном числе произносится с твердым конечным согласным основы: са́мы (у'самы́х). Форма именительного падежа множественного числа местоимения *весь* образуется при помощи флексии -и, что связано с рефlekсами в исследуемых говорах общеславянского ё (см. разд. 1, гл. 1).

Отмечаются особенности спряжения и формообразования глаголов.

I и II спряжения различаются лишь у глаголов с ударными флексиями. В остальных случаях отмечается тенденция к унификации типов спряжения: *носить* - [нос'уц'], *смотреть* - [смотр'ут], *видеть* - [в'ид'уц']. Подобное явление характерно и для белорусских говоров Чашникского района. В исследуемых же русских говорах общая система флексий для глаголов I и II спряжений подкрепляется еще и особенностями их заударного вокализма: фонемы <е> и <и> (которые различают типы спряжения) нередко совпадают в звуке [и] в форме 1-го лица множественного числа: вы-

пекать - [вп'ака́им], крестить - [кр'эс'т'им]. В остальных личных формах глаголов сильной редукции подвержен лишь заударный звук на месте фонемы <е> (сы́м'ят, н'а'скаж'т', но: по́мн'ит, во́д'ит'), т. е. флексии I и II спряжений различаются, поэтому полностью говорить о наличии в исследуемых говорах "сбшего" спряжения нет оснований.

Нередко звучит твердый [т] в формах 3-го лица глаголов: зъвэр'йт, н'а'йд'от, шйут, ад'айут, звон'ут, в'ид'ит. [Ат'эц зъвар'ил: ид'от, в'ад'от, н'ас'от] - вспоминает Лебедева А. Л. (Бор). Формы с твердым [т] чаще встречаются в говоре д. Должица.

Преобладающим вариантом употребления формы 3-го лица глаголов является все же форма с мягким [т'] (или [ц']), появившаяся в результате междialeктного контактирования (причем снова налицо живой процесс замены одного звука другим: т → т' → ц'): н'а'скаж'т', б'аз'иц', л'аж'иц', л'эз'ыц', звон'иц', вар'уц'. Формы с [ц'] преобладают в говорах дд. Бор и Заверица.

Встречаются особенности образования *возвратной формы* глаголов. Отмечены случаи отсутствия гласного в постфиксе: ада-ва́л'ис', байа́л'ис', байу́с' (окужающим белорусским говорам такие формы незнакомы). Постфикс -с' и употребляется не только после слога с гласным [и], как в окружающих белорусских говорах, но представлены и другие варианты (зашата́л'и).

В формах *инфинитива* отмечается суффикс -ть на месте белорусского -ці и русского литературного -ти: н'ес'т', гр'ес'т', пл'ес', в'ес' (с последующей ассимиляцией конечных согласных).

Зафиксирован ряд *синтаксических особенностей*.

Наряду с употребляемыми в белорусских говорах и западных говорах русского языка сравнительными конструкциями с предлогом *за* и винительным падежом имени (в'ис'ал'ей за'яво́, старэйш'ий за'нас) отмечаются и общерусские беспредложные сочетания с родительным падежом имени (глаўн'ей ус'аво́).

Различия касаются также наличия-отсутствия предлога, когда беспредложные конструкции встречаются на месте соответствующих предложных и наоборот: *ажан'и́ус'а друго́й жо́ннай* (ср.: *ажан'и́уся на друго́й жо́ннай*); *аны ўж'к'нам н'б'патхад'ашч'ий* (ср.: *яны нам не падыходзяць*); *нужда́л'ис' хл'эб'ым* (ср.: *нуждаліся ў хлебе*).

Одни и те же беспредложные конструкции могут различаться падежом имени: *п'благадар'ыл' яму́* - дат. п. (ср.: *я уо́* - вин. п.); *он м'ан'э'ус'аво́* (род. п.) *уч'ыл'* (ср.: *ус'аму́* -

дат. п.); *Вос' ипа* (вин. п.) *назваў Яаво* (ср.: *В ос' ипам назваў* тв. п.).

Отмечено употребление существительных мужского рода в именительном падеже единственного числа в сочетании с количественными числительными *два, три, четыре* (два *к' илаграм*).

Встречаются конструкции с дательным падежом со значениям принадлежности: *Ана́ мн'с бабушка*.

Значительные различия связаны со способом выражения сказуемого. Говоры старообрядцев отличает употребление конструкций односоставных (безличных) предложений со страдательными причастиями, выражающими перфектное значение: *Дроў наложьна; Траў наложьна; Бл' иноў с' п' еч' ьна*; а также употребление деепричастных форм действительного залога прошедшего времени на *-ши* в функции предиката в двусоставных конструкциях: *Сын з' а' ат' ем астаўшы; Ваша паслаб' иўшы в' ера; Муш пом' ершы* (в окружающих белорусских говорах подобные формы образуются в основном от ограниченного круга глаголов (*пад' ёўшы, прылоўшы, прыёхаўшы* и нек. др.) и обозначают лишь состояние субъекта).

Нередко используется невозвратная форма вместо возвратной: *Работац сагнуўшы; Сын з' а' ат' ем астаўшы*.

Деепричастия в исследуемых говорах могут также входить в состав предиката в качестве именной части вместе со знаменательным (или полузнаменательным) глаголом в роли связки: *У м' ан' е мац' там ум' оры л' ажыц'; Аны л' ажат ум' ершы*. Аналогичные формы встречаются и в окружающих белорусских говорах, хотя уступают по частотности употребления.

Параллельно с деепричастиями в функции сказуемого в двусоставных предложениях встречаются и формы кратких страдательных причастий в том же перфектном значении: *Агаро́т зал' иты дожд' ьм; Дом аткупл' ьн* (при нулевой связке).

Представлена конструкция, состоящая из предикативного наречия *надо* (*нужно*) и прямого дополнения в форме именительного падежа для обозначения объекта (*Н' и' на́да нам в' анк' и*).

Отмечены безличные предложения на месте двусоставных русского литературного языка (*Н' а' ста́ла хл' е́ба рад' иц' ' Не стал хлеб родить'*) и наоборот - двусоставные отрицательные конструкции, которым в русском литературном языке и в окружающих белорусских говорах соответствуют безличные (односоставные): *За́лах н' а' быў* (ср.: *Запаху н' и' было*).

Отмечаются особенности в согласовании подлежащего и сказуемого: *Ма́й да́жа валасы́ н' б' с' ада́йб; С' э́рць бал' а́т'*, когда сказуемое согласуется с подлежащим лишь "по смыслу".

Отмечен единичный пример употребления отрицательной конструкции особого типа: с отрицательным местоимением, но без отрицательной частицы *не* (предложение с так называемым "непарным" отрицанием): *Н' ич' о́вь бу́д' ыц' ту́тъка* 'Ничего не будет здесь' (ср. в окр. бел. говорах: *Н' ичо́уа тут н' а́ бу́д' э́ ыц'*).

Отмечается употребление частиц, неизвестных белорусскому языку вообще (*рабо́тыц' то́ на́да; слу́шат' то́ слу́шл; Яа́ й э́вар' ил; а́ й ста́ршы во́ран э́вэр' иц'*; *Яаны́ мн' е́ й ка́пы дава́л и*).

В *включении* обобщаются наблюдения, сделанные в ходе исследования, устанавливается место русских говоров дд. Бор, Заверица и Должица среди материковых диалектов.

Выявленные особенности, рассматриваемые в комплексе, сближают исследуемые говоры со среднерусскими акающими говорами Псковской группы (и прежде всего с восточными и северо-восточными псковскими говорами).

Русские говоры дд. Бор, Заверица и Должица Чашникского района Витебской области генетически связаны с территориально изолированным русским говором д. Трояновка Минской области, с островными русскими говорами на территории Прибалтики, Польши, рядом русских говоров на территории Украины.

Существование в течение почти трех веков в территориальной изоляции способствовало появлению в говорах старообрядцев ряда инноваций, вызванных межъязыковым контактированием, которые в настоящее время отличают исследуемые говоры от большинства говоров Псковской группы. Наиболее восприимчивой оказалась фонетика и прежде всего - консонантная система. В большей степени подвергся иноязычному влиянию говор д. Заверица (по причине факторов экстралингвистического характера) и в меньшей - говор д. Должица.

Особую группу составляют особенности, которые нельзя однозначно определить как заимствования из белорусского языка либо как исконные (материнские). Это черты, которые существовали в материнском диалекте, но присущи и белорусскому окружению, которое, на наш взгляд, способствовало их сохранению.

Таким образом, в результате многолетнего существования в территориальной изоляции в белорусском диалектном окружении об-

разовались самобытные говоры, отличающиеся и от соседних белорусских, и от исконных материнских.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. Русские старообрядческие говоры на территории Витебской области: (К проблеме территориально изолированных говоров) // Беларуская-руская-польская супастаўляльнае мовазнаўства: Матэрыялы Першай усесаюзнай навуковай канферэнцыі (17-19 ліпеня 1990 г.). - Віцебск, 1990. - С. 62-65.

2. Некаторыя асаблівасці мовы старавераў Віцебскай вобласці // Беларуская лінгвістыка. - Вып. 39. - Мн.: Навука і тэхніка, 1991. - С. 62-64.

3. Некоторые особенности произношения заднеязычных согласных в говоре старообрядцев Витебской области БССР // А. А. Потемня - исследователь славянских взаимосвязей: Тез. Всес. науч. конференции (октябрь 1991 г.). - Ч. II. - Харьков, 1991. - С. 5-7.

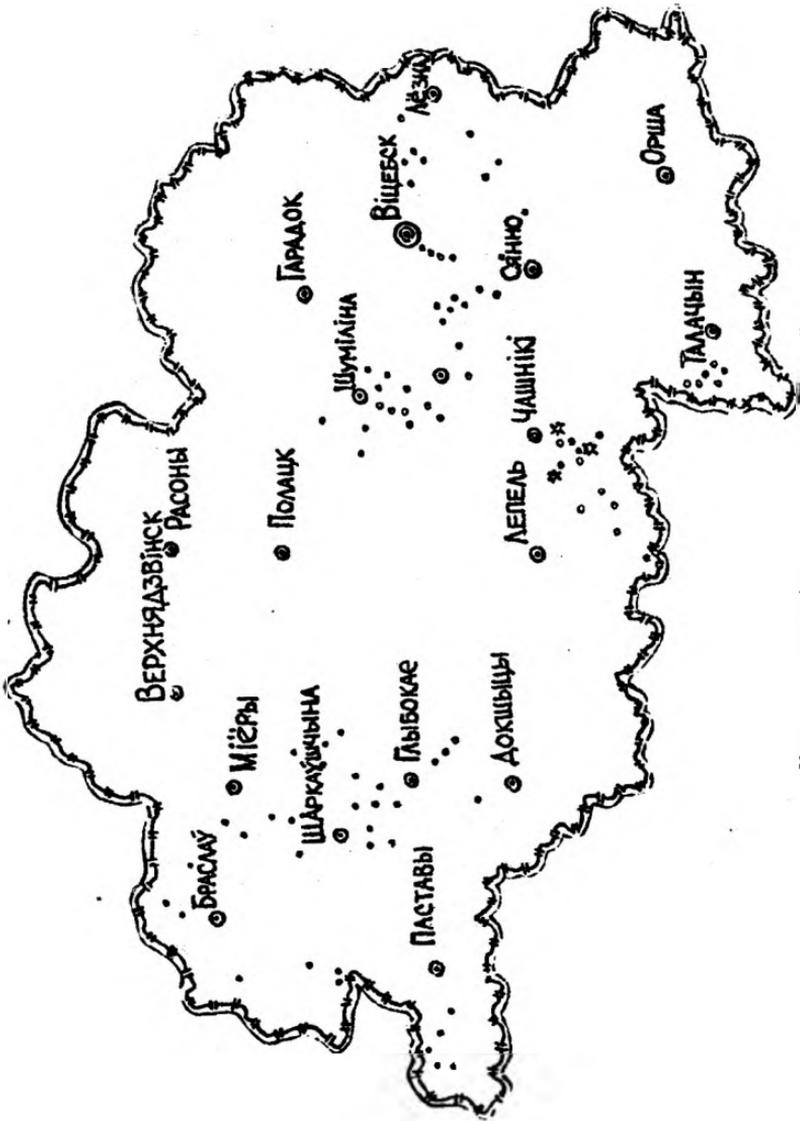
4. Асаблівасці скланення навоўнікаў жаночага роду на -а ў стараверскіх гаворках Віцебскай вобласці // Дыялекталогія і культура беларускай мовы: Тэз. рэспубл. навукова-практычн. канферэнцыі (10-11 снежня 1991 г.). - Мн., 1991. - С. 112-115.

5. Фанетыка-граматычныя асаблівасці трох "астраўных" рускіх гаворак на тэрыторыі Віцебскай вобласці // Беларуская-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства: Матэрыялы Другой міжнароднай навуковай канферэнцыі (5-6 лютага 1993 г.) - Віцебск, 1993. - С. 113-117.

6. Рускія, старой веры // Звязда. - 1993. - 26 мая.

7. Система предупредного вокализма трех островных русских говоров на территории Витебской области Беларуси (в сопоставлении с окружающими белорусскими говорами) // Русские говоры в восточнославянском языковом континуме: Сб. ст. (в печати).

Приложение

Карта старообрадцескіх поселенняў
на тэрыторыі Віцебскай вобласці